

Шэн Юаньчэн тоже узнал его, но от этого мимолетного взгляда он тут же отдернул глаза, словно увидел какую-то мерзость.

Но теперь Ци Юнь не придавал этому особого значения. Он больше не был тем жалким собой, что униженно выпрашивал внимания, и открыто, с достоинством оглядел этого давнего «старого друга».

Шэн Юаньчэн действительно был альфой высшего класса: его выдающийся рост и внешность, затмевавшая артистов из многих агентств, уже сами по себе создавали невыносимое давление, а в сочетании с холодным нравом делали его настоящим разрушителем сердец. Иначе разве ходил бы он столько лет в неизменных лидерах среди завидных женихов?

Впрочем, Ци Юнь помнил, что вплоть до года его собственной смерти Шэн Юаньчэн так и не представил публике возлюбленного, казалось, все это время он оставался одинок.

То ли он был совершенно равнодушен к плотским утехам, то ли в том самом плане у него имелись проблемы.

На небольшом расстоянии отчетливо улавливался какой-то... еле уловимый запах. Почти незаметный, он казался феромонами Шэн Юаньчэна.

Ци Юнь сам не понял, почему машинально сделал шаг навстречу Шэн Юаньчэну, а в его глазах на миг мелькнуло помрачение.

Лишь когда чужой острый взгляд устремился на него, Ци Юнь внезапно опомнился, осознав, что он творит, и тут же остановился.

Что с ним такое? Почему он вдруг учуял феромоны Шэн Юаньчэна?

Ци Юнь сообразил, что дело, возможно, в отсутствии у него шейного ободка, но этот слабый шлейф феромонов сработал словно какой-то тумблер, открывший целый потоп воспоминаний.

Шэн Юаньчэн ведь человек жесткий и решительный. Он бизнесмен, до мозга костей прагматичный делец. Не будь от Ци Юня хоть какой-то финансовой пользы, тот давно бы уже покатился отсюда со своими пожитками, а не тешил себя столь нереалистичными мечтами.

Этот же Ци Юнь мало того что не ценил доброго отношения, так еще и лез с преследованиями, да еще смеет показываться ему на глаза — неужели он решил, что у него слишком мягкий характер?

Ци Юнь снял шляпу и впервые встретился с Шэн Юаньчэном столь невозмутимым взглядом, без заискивания и гордыни произнес:

— Генеральный директор Шэн, я артист из Синхай, и пришел в компанию исключительно по работе.

Только бы снова не броситься к нему! Это ведь в стенах компании, а снаружи дежурят бесчисленные папарацци! Если продолжить в том же духе, его не спасет даже сам Нефритовый Владыка!

Шэн Юаньчэн явно тоже заметил происходящее: он остро почувствовал, что кто-то неотрывно за ним наблюдает.

Он знал, что у его подозпечных артистов любовь порой сносит крышу. В обычное время те вели себя нормально, но стоило столкнуться с боссом, как весь их облик претерпевал разительные перемены.

— Умоляю тебя, будь со мной! Я ради тебя готов на все!

Он плелся за спиной Шэн Юаньчэна, униженный, словно пес, и пытался ухватить его за одежду, пока телохранители безжалостно не оттаскивали его. Все это было живо в его памяти.

Помощник, очевидно, тоже был наслышан о выходках Ци Юня. Напряженно глядя на него, он в любую секунду был готов перехватить артиста, смертельно боясь, что тот снова бросится обнимать Шэн Юаньчэна за ноги и рыдать.

Шэн Юаньчэн перевел взгляд на Ци Юня и прищурился, пытаясь вспомнить: этот человек казался смутно знакомым?

Шэн Юаньчэн нахмурился. То, что он вообще позволял Ци Юню оставаться в своей компании, уже было величайшей уступкой. Не обладай этот парень хоть какой-то коммерческой ценностью, директор и смотреть бы на него не стал.

Просто до смешного нелепо.

Это... Ци Юнь?

— Ци Юнь? — и без того неплохое выражение лица Шэн Юаньчэна похолодело сразу на несколько градусов. — Ты все еще не унимаешься?

Сказав это, он безжалостно развернулся и зашагал прочь, смертельно боясь запятнать себя хоть малейшей связью с Ци Юнем.

Шэн Юаньчэн не желал тратить на него даже лишнего взгляда и холодно бросил стоявшему рядом помощнику:

— Пошли.

Тогда он должен был понять, что это предупреждение от самого Шэн Юаньчэна. Предупреждение о том, что Ци Юнь перешел его границы. Но тот продолжал цепляться, лелея иллюзию, что однажды сможет войти в богатую семью и изменить свое происхождение.

— Шэн Юаньчэн, я правда безумно тебя люблю...

Из уст кого-то другого подобные слова прозвучали бы как речь идеального сотрудника, от которой сердце босса затрепетало бы от радости. Но когда их изрыгал этот никчемный пустозвон Ци Юнь, Шэн Юаньчэн не верил ни единому слову.

— Я просто хочу быть с тобой, ты... можешь искать других омег на стороне, только согласишься быть со мной!

Он помнил, что поводом для заморозки его карьеры стал именно тот скандал: в газете опубликовали снимок, где он, полностью утратив человеческое достоинство, пластом лежал на земле, преследуя Шэн Юаньчэна, — и лишь его собственное лицо было отчетливо видно.

— То, что я преследовал вас раньше, было моей ошибкой, больше такого не повторится. Мое существование имеет смысл лишь ради того, чтобы приносить компании больше денег, и я никогда не позволю личным чувствам мешать мне зарабатывать для нее средства.

Преследования, стычки, а затем пинок под зад — Ци Юнь перенес тяжелейший удар как по физическому, так и по эмоциональному состоянию.

Если Ци Юнь когда-нибудь и станет популярным, это будет куда невероятнее, чем свинья, взлезшая на дерево.

До чего же тот должен был презирать его! Ци Юнь тоже понизил голос:

— Генеральный директор Шэн, не стоит же так шарахаться при моем виде? Неужели я настолько уродлив?

Ци Юнь понимал, насколько дерзко звучат его слова. Будучи безвестным артистом из третьего десятка, он посмел так разговаривать со своим боссом на глазах у всех — поистине неслыханная наглость.

Оказавшись как раз рядом с Ци Юнем, Шэн Юаньчэн остановился. Теперь они стояли очень близко, и Ци Юнь даже мог разглядеть уникальную красную родинку у внешнего уголка левого глаза своего начальника.

А еще — легкий, принадлежащий альфе аромат алкогольных феромонов.

— То, что я терплю твое присутствие здесь, — уже величайшая уступка. Ци Юнь, не возмни себя пупом земли, — ледяным тоном произнес Шэн Юаньчэн, глядя на Ци Юня свысока.

Ци Юнь ни на шаг не отступил и прямо посмотрел на Шэн Юаньчэна:

— Генеральный директор Шэн, можете быть спокойны. Я, Ци Юнь, клянусь здесь: если я еще хоть раз стану к вам приставать, то останусь одинок до конца своих дней и умру в одиночестве.

Прежние выходки были моей ошибкой, должно быть, в моей голове что-то надломилось, прошу вас меня извинить. Отныне я буду вести себя порядочно и начну жизнь с чистого листа. Нам ведь еще не раз придется видеться, не стоит портить отношения до такой степени, верно?

Шэн Юаньчэн был крайне удивлен, услышав подобное из его уст. О том, что Ци Юнь сохнет по нему, знала вся компания, и то, что теперь он рассуждал с такой ледяной рассудительностью, заставило босса взглянуть на него совершенно иначе.

Всякое отклонение от нормы таит в себе подвох. Остро уловив неладное, Шэн Юаньчэн попытался разглядеть хоть какой-то умысел в чистых глазах Ци Юня.

— Будем надеяться, что ты и впрямь окажешься столь тверд в своих словах, Ци Юнь, — Шэн Юаньчэн усмехнулся, но в этой улыбке сквозило нечто иное.

Шэн Юаньчэн не верил, что Ци Юнь способен на поступки, способные его поразить. В конце концов, с его-то никудышными способностями его даром не возьми ни одно нормальное агентство.

Ци Юнь склонил голову набок, изогнул брови, и в его глазах заплотал открытый вызов:

— Что ж, тогда предлагаю генеральному директору Шэну просто подождать и посмотреть.

С точки зрения Шэн Юаньчэна, ему прекрасно была видна тонкая и гладкая шея парня: неужели Ци Юнь действительно не носил ингибитор феромонов?

В нос Шэн Юаньчэну ударил какой-то травяной запах — крайне слабый, разобрать который было невозможно.

Он мог поклясться, что это не цветочные ноты: Шэн Юаньчэн страдал аллергией на любые цветочные феромоны. Ци Юню следовало благодарить судьбу за то, что его запах не был цветочным — сунься кто-нибудь другой с такими вольностями, его бы давно выбросили вон.

— Три месяца, десять миллионов. Не зарабатываешь — катись отсюда на все четыре стороны, наша компания — не помойка.

Бросив это, Шэн Юаньчэн решительно зашагал прочь из здания, не дожидаясь ответа Ци Юня.

Агент Ли Синь смотрел на Ци Юня с видом человека, у которого рухнули последние надежды: десять миллионов за три месяца — планка, доступная лишь артистам среднего звена в их компании. Для такого безнадёжного середнячка, как Ци Юнь, проще было продать самого себя.

И еще вопрос, нашлся ли бы богатый покровитель, готовый его подобрать.

Ли Синь похлопал Ци Юня по плечу, пытаясь хоть как-то утешить:

— Ничего, Ци-гэ, давай постараемся вместе...

Не успел он договорить, как услышал бормотание Ци Юня:

— Десять миллионов, какая жадность... Похоже, покупку моей большой виллы придется отложить.

В смысле — ты правда веришь, что сможешь столько заработать? Ли Синь невольно поморщился. Какая еще большая вилла? Хорошо еще, если после выдворения из компании найдется хоть какой-то коврик, где можно преклонить голову!

— Пошли, Сяо Синь. Десять миллионов — подумаешь, поставили маленькую цель! — произнес Ци Юнь с такой легкостью, что оставалось только гадать, откуда в нем столько неподдельной уверенности.

Даже агент заразился этим подъемом и вдруг поймал себя на мысли, что эти деньги, кажется, не так уж трудно заработать.

Должно быть, он сошел с ума!

Сидя в машине, Шэн Юаньчэн с некоторым раздражением открыл сообщения в телефоне. Сегодня ему предстояла встреча с клиентами, а вечером нужно было вести переговоры по новому проекту.

И надо же было встретить Ци Юня прямо перед отъездом — просто невероятное невезение на все восемь жизней.

Он никогда не забудет, как Ци Юнь умолял пометить его. Подобное разнузданное поведение для омеги казалось верхом распушенности, совершенно недоступным для понимания человека с такими строгими принципами, как Шэн Юаньчэн.

Вокруг него и так вилось немало звезд, желавших разделить с ним постель, но отвратительная

манера поведения Ци Юня вызвала у него глубокое отторжение. Добавьте к этому безвкусный стиль одежды и скверный характер — ненавидеть Ци Юня было за что.

Но сегодняшний Ци Юнь... неужели он и впрямь стал другим? Шэн Юаньчэн против воли вспомнил его ясные глаза: когда их взгляды встретились, в глубине чужих глаз таилась невиданная прежде стойкость, словно... перед ним стоял совершенно другой человек.

Даже более твердая, чем при их первой встрече. Он помнил, как Ци Юнь, явившись в компанию в самый первый раз, по простоте душевной забрел в его личный лифт. Словно из-за косноязычия даже не спросив администратора на ресепшене, он напрямик вломился в его кабинет.

Тогда тот еще не страдал подобным «безумием» и послушно извинялся за то, что перепутал этаж. От всего его облика веяло такой робкой застенчивостью, что временами Шэн Юаньчэн думал: перед ним просто глупый ребенок, который ничего не смыслит в жизни.

Все вокруг твердили, что шоу-бизнес — это сточная канава, и по мере того, как Ци Юнь начал заявлять о себе, всплывали все его грязные делишки: скандалы с капризами на площадке, издевательства над новичками и даже подозрения в угодничестве перед богатыми покровителями.

Грязь летела со всех сторон, окончательно превращая в прах остатки того «первоначального впечатления».

Шэн Юаньчэн видел в нем лишь рядового сотрудника, к которому испытывал дежурную симпатию. Но когда испарилась и эта симпатия, Ци Юнь превратился для него в самый обычный товар, от которого ни холодно ни жарко.

Для него товар существовал лишь для одной цели — расходоваться и приносить прибыль, и никаких личных чувств в это уравнение не примешивалось. Однако бесконечные преследования окончательно исчерпали и без того скудный запас терпения Шэн Юаньчэна: мягкотелым его назвать было никак нельзя.

Шэн Юаньчэн отмел все эти раздражающие мысли прочь: подумаешь, незначительный эпизод сегодняшнего дня, он никак не мог взволновать гладь его жизни.

Ци Юнь, что ж, мне любопытно посмотреть, до каких высот ты сможешь дойти.

<http://bllate.org/book/20907/2113791>